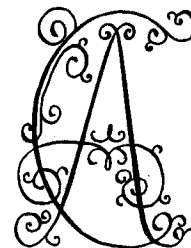

Министерство культуры Российской Федерации
Российская академия наук
Институт славяноведения

Славянский АЛЬМАНАХ

2002

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
Москва 2003

- ¹² Абрамов Н. Симеон, архиепископ Сибирский и Тобольский (1651–1664) // Странник. 1867. № 8.
- ¹³ См.: Калугин В. В. Иван Грозный и Андрей Курбский. (Теоретические взгляды и литературная техника древнерусского писателя). Автореф. дисс. ... доктора филол. наук. М., 1998. С. 4–5.
- ¹⁴ См.: Ромодановская Е. К. Русская литература... С. 62.

А. А. Гиппиус
(Москва)

У истоков древнерусской исторической традиции

Обретение восточным славянством письменной истории было одним из результатов крещения Руси. Восприняв христианство из Византии и письменность от южных славян и сделавшись, таким образом, преемницей кирилло-мефодиевской традиции, Русь исключительно быстро начинает писать собственную историю и уже к 10-м гг. XII в. создает Начальную летопись — Повесть временных лет (ПВЛ), основу всей последующей русской историографии.

Летописание, безусловно, — наиболее самобытная часть оригинального литературного наследия Киевской Руси. Эту самобытность принято усматривать в основополагающем для летописи принципе изложения событий по годам, не находящем соответствия в известных на Руси византийских хрониках, описывающих всемирную историю как последовательность царств и царствований. Это объективное различие лежит в основе традиционной формулировки, согласно которой летописание — единственный жанр древнерусской литературы, не вписывающийся в жанровую систему литературы византийской, усвоенную, хотя и не в полном объеме, на Руси (см., например: Творогов 1996, 371).

Справедливая в своей основе, данная формулировка нуждается в ряде уточнений. В том, что касается общего соотношения литературных систем, она грешит излишней прямолинейностью. В настоящее время уже ясно, что говорить о прямом усвоении на Руси византийской системы жанров не приходится, что в действительности имело место усвоение конкретных образцов, которые, будучи перенесены в организованную на совершенно иных основаниях культурную среду, могли смешиваться, переосмысливаться, изменять свои функции и т. д., в результате чего могли возникать тексты, принципиально невозможные в литературе-источнике, такие, как паремейное чтение о Борисе и Глебе или несохранившееся Житие Антония Печерского, явно представлявшее собой памятник, весьма далекий от канона византийского жития (см.: Живов 2002, 100–108). В этом смысле начальное киевское летописание, в котором такое смешение образцов принимает особенно широкий размах, лишь наиболее ярко демонстрирует общую несводимость оригинальной книжной продукции Киевской Руси к византийской литературной систематике.

Существенных уточнений представление о жанровой оригинальности древнерусского летописания требует и в сравнительно-типологическом аспекте. С одной стороны, необходимо иметь в виду, что погодный принцип не был полностью чужд византийской историографии. В годовые рубрики организуют свой материал «Пасхальная хроника» VI в. и «Хронография» Феофана IX в. Впрочем, значение этих параллелей для русского летописания минимально. Названные тексты не только никогда не были переведены на славянский язык, но и в пределах самой византийской традиции представляют собой изолированные опыты, не получившие развития (Манго 1988/1989).

Намного более важную параллель древнерусским летописям составляют средневековые западноевропейские анналы. Сходство между ними, отмеченное еще на заре научного изучения русского летописания А.-Л. Шлёцером, какое-то время оставалось в поле зрения исследователей (см. в особенности: Сухомлинов 1908), но впоследствии было основательно забыто и лишь совсем недавно вновь стало привлекать к себе внимание (см.: Каштанов 1996, Гиппиус 1997, Ранчин 1999, Гимон 2000). Значение его исключительно велико как для понимания природы летописного жанра, так и с общей историко-культурной точки зрения. Типологически летописание есть не что иное, как форма анналистической историографии, и наличие таковой является исключительно ярким признаком, по которому Русь, выделяясь из византийского культурного круга, объединяется со странами Западной и Центральной Европы.

Значение западной анналистики для истории русского летописания определяется в первую очередь несравненно лучшей сохранностью ее памятников. В то время как русские летописи XI–XIV вв. дошли до нас, за единичными исключениями, в позднейших списках, многие средневековые западные анналы сохранились в подлинниках. Поэтому то, что на древнерусском материале может быть лишь предметом реконструкции, западноевропейский позволяет наблюдать непосредственно.

Это относится в первую очередь к характеру летописного процесса и природе самой формы анналов. Ее простейшее, лежащее на поверхности объяснение состоит в том, что летопись возникает как последовательность ведущихся год за годом записей, современных описываемым событиям. С преодолением этой точки зрения как излишне буквально воспринимающей летописную форму в отечественной традиции связана концепция летописных сводов, ассоциируемая в первую очередь с именем А. А. Шахматова. В трудах самого А. А. Шахматова и, в особенности, в работах его учеников и последователей деятельность летописца понимается как имеющая преиму-

щественно компилятивный характер, состоящая прежде всего в обработке материала, почерпнутого из разных источников, иногда также — в дополнении его на основе собственных сведений, осуществляемом, однако, ретроспективно, в момент работы над новым летописным сводом.

Справедливость такого подхода в отношении подавляющего большинства сохранившихся списков русских летописей и их ближайших протографов не вызывает сомнений, а его результат — воссозданное трудом многих поколений исследователей генеалогическое древо русских летописей XI–XVI вв. (Лурье 1985) — более чем внушительно. Возражать приходится не против шахматовской концепции летописных сводов, а против ее абсолютизации, при которой содержание летописного процесса сводится к одному лишь обновлению сводов, а годовая статья трактуется исключительно как форма организации исторического материала в единовременно создаваемом своде.

Именно в этом отношении параллели с западной анналистикой особенно важны. Сохранившиеся в подлинниках западные анналы с очевидностью подтверждают реальность того, что применительно к русским летописям нередко ставилось под сомнение, — погодного летописания как особого типа историографической деятельности, состоящей в систематическом пополнении последовательности годовых записей, фиксирующих события по мере их развертывания и таким образом относительно синхронных этим событиям. Большинство средневековых монастырских или епископских анналов создавались именно таким образом на протяжении более или менее длительного времени¹.

Нет оснований думать, что на Руси дело обстоит иначе. Более того, отдельные древнерусские летописи демонстрируют вполне аналогичный западноевропейскому анналистический процесс с регулярностью и продолжительностью, даже превосходящими западные образцы жанра. Это прежде всего новгородская первая летопись (НПЛ), текст которой на протяжении более чем трехсот лет, с начала XII в. по середину XV в., складывается, за немногими исключениями, из погодных записей сначала княжеских, а затем епископских и архиепископских летописцев, работавших при Новгородском Софийском соборе (см.: Гиппиус 1999). Такая же по существу летописная работа с разной интенсивностью и в разные периоды времени велась в эту эпоху и в других центрах Руси: Киеве, Владимире и Ростове, Твери и Москве. Однако, в отличие от новгородской, эти местные летописные традиции были, начиная с XII в., объектом активной сводческой работы и дошли до нас в сводах XIV–XV вв. в сильно отредактированном виде.

Сходство летописного процесса Руси XII–XIV вв. с западной анналистикой важно как само по себе, так и, ретроспективно, для изучения начального киевского летописания. Очевидно, что в сравнении с той же Новгородской летописью за XII–XIII вв. ПВЛ представляет собой во много раз более сложное образование, в котором собственно анналистической составляющей принадлежит относительно скромная роль. Очень важно, однако, что эта составляющая все же имеется, поскольку именно она, в конечном счете, ответственна за форму памятника в целом. Своеобразие Начальной летописи, собственно, и заключается в том специфическом преломлении, которому оказался подвержен в ней общий для средневековой европейской историографии анналистический принцип.

Такая постановка вопроса неизбежно переводит его в историко-текстологическую плоскость. Безотносительно к истории текста анализ ПВЛ как литературного явления представляется, вообще говоря, малосодержательным. Суть летописания — в его динамике, оно — не столько жанр, сколько процесс, и ПВЛ — в первую очередь ансамбль, создававшийся на протяжении длительного времени разными авторами. Целостность такого ансамбля весьма относительна; его своеобразие, прежде всего — в его разнообразии, которое, в свою очередь, есть не что иное, как проекция истории сложения текста.

Огромная литература, посвященная этой истории, так или иначе группируется вокруг концепции А. А. Шахматова (1908, 1916), глубоко новаторской для своего времени и сохраняющей актуальность по сей день. Лишний раз не пересказывая эту схему, напомним, что ПВЛ как киевскому своду 1110-х гг. в ней предшествуют три киевских и один новгородский свод XI в. Позволив себе несколько сниженное сравнение, можно сказать, что Начальная летопись устроена, по Шахматову, как матрёшка, разбирая которую, мы доходим, в конечном счете, до ядра в виде Древнейшего Киевского свода 1037–39 г.

Критический разбор построения А. А. Шахматова в последующей историографии заставил отказаться от ряда его положений как недостаточно обоснованных, слишком гипотетичных или же противоречащих фактам. Однако фундамент возводившегося А. А. Шахматовым здания устоял и выдержал испытание временем. Им является положение, согласно которому в основе созданной в 10-х гг. XII в. ПВЛ лежал киевский летописный свод 90-гг. XI в., отразившийся в его древнейшей части, до смерти Владимира Святославича, в Новгородской первой летописи младшего извода. Аргументы А. А. Шахматова, доказывающие первичность текста НПЛ, никем опровергнуты не были, и с течением времени к ним добавились новые (см.: Творогов 1976, Гиппиус 2001).

Шахматов был, безусловно, прав и в том, что этот свод (сперва названный им «Начальным» и под этим названием оставшийся в литературе) в действительности не представлял собой абсолютного начала русского летописания, но был лишь звеном в цепи летописных памятников, уходящей вглубь XI в. Точное восстановление этих памятников — в духе попытки, предпринятой самим А. А. Шахматовым в знаменитых «Разысканиях» (1908), — очевидно, невозможно, ввиду недостатка данных. Но уловить основные тенденции эволюции текста — задача вполне осуществимая, и накопленные наблюдения дают для этого вполне надежную филологическую основу.

Заслуга постановки этой проблемы в общем виде принадлежит М. Х. Алешковскому, чьи работы по истории начального древнерусского летописания в методологическом отношении составляют наиболее яркое явление послешахматовского периода изучения ПВЛ. В посмертно опубликованной работе «К типологии текстов „Повести временных лет“» (1976) исследователь предложил разграничивать в ПВЛ, как и в летописании вообще, два основных типа текстов: «монотематическое» повествование и погодную запись. От других классификаций форм летописного повествования (в частности, предложенной И. П. Ереминым (1968): «летописная запись — сказание — рассказ — повесть»), типологию М. Х. Алешковского отличает опора не на степень подробности текста и его литературный/фольклорный характер, а на природу явления: первый из двух типов текстов «представляет собой связный рассказ о нескольких или многих годах, записанный, когда эти времена отошли уже в прошлое; второй из них представляет собой погодную запись, сделанную сразу после события или в конце года, когда произошло событие или же в начале следующего года, но под датой предыдущего года» (Алешковский 1976, 134)². Наиболее ярким примером повествования первого типа является Галицко-Волынская летопись XIII в., хронологическая сетка которой вторично наложена на первоначально не разделенное на годы повествование (см. последнее исследование: Котляр 1997). Образцом памятника, состоящего почти исключительно из погодных записей, может служить уже упоминавшаяся НПЛ (в особенности ее старший извод, представленный древнейшим Синодальным списком).

С осознанием того, что ведение погодных записей, т. е. собственно анналистическая деятельность летописцев, выступает и в Начальной летописи как самостоятельное текстообразующее начало, связана фундаментальная поправка, сделанная М. Х. Алешковским к шахматовской схеме соотношения Начального свода и Повести временных лет. В схеме Шахматова Начальный свод заканчивался 1093 г., события же последующих лет были описаны уже Нестором в ПВЛ в на-

чале 1110-х гг. Это означало бы, что Начальный свод в течение более чем десяти лет лежал без движения. Между тем нормальная практика средневековой анналистики заключалась в том, что составленная летописная компиляция получала продолжение в виде погодных записей. Примером этого на Руси может служить новгородский летописный свод, составленный около 1115 г. и продолженный погодными записями, да и сама ПВЛ с обоими (Лаврентьевским и Ипатьевским) вариантами ее продолжения. Опираясь на эти примеры, М. Х. Алешковский предположил, что и свод конца XI в. не был заброшен почти на двадцать лет сразу после его написания, но систематически пополнялся записями до того момента, когда на его основе была составлена ПВЛ. Доказательством этого служит идущая в ПВЛ с 1091 г. серия записей, отличительной чертой которых является указание не только дня, но и часа события. Тем самым была уточнена и дата составления Начального свода — не 1093, а 1091 г.³

Анналистическое продолжение Начального свода — не первый в ПВЛ поток погодных записей. Еще одна серия таких записей начинается с 1061 г.; в ней впервые систематически встречаются дневные датировки событий. Наконец, в самом начале XI в., там, где в связном повествовании ПВЛ наступает семнадцатилетний перерыв, читается несколько совсем лаконичных сообщений, в которых, возможно, следует видеть начало анналистической традиции на Руси.

«В лето 6508 (1000). Преставися Малфридъ. В се же лето преставися и Рогнедь, мати Ярославля.

В лето 6509. Преставися Изяслав, отец Брячиславль, сын Володимиръ.

В лѣто 6511. Преставися Всеславъ, сынъ Изяславль, внукъ Володимиръ.

В лето 6515. Пренесени святии в святую Богородицу» (ПВЛ, 57–58).

О происхождении этих записей ведутся споры, но большинство исследователей признает их подлинность и связывает с Десятинной церковью. А. А. Шахматов (1908, 163–164), следуя в этом вопросе за А. А. Куником, считал эти известия заимствованиями из Синодика или Помянника киевских князей. Однако, если в этом источнике преставления членов княжеского рода и некоторые другие события были записаны по годам, то более правильной будет характеристика его как примитивной формы анналов (так называемые «малые» анналы, лежащие у истоков жанра в Западной Европе, также в значительной степени состоят из записей смертей).

Сопоставляя эти предельно лаконичные записи с пространными погодными статьями конца XI в., можно видеть, какой путь прошла древнерусская анналистика за сто лет: из средства простой регистра-

ции событий она превратилась в полноценный исторический нарратив. В этом, по-видимому, состоит общая тенденция развития анналистического жанра, которую в равной степени демонстрируют, например, Англо-Саксонская хроника (см.: Кларк 1995) и новгородское летописание XII–XIII в.

Присутствие в ПВЛ другого, «монотематического», по определению Алешковского, начала особенно ощутимо в ее древнейшей части, охватывающей события до смерти Владимира. В литературе уже давно обращалось внимание на случаи, в которых номер годовой статьи разрывает цельную фразу. Так, в отражающей Начальный свод НПЛ под 6430 (923) г. после сообщения о передаче Игорем дани с древлян Свенельду сказано: «И рѣша дружина Игореві: се дал еси единому мужу много». За этим следует ряд из 22 годовых рубрик, большинство из которых пустые, и под 6453 (945) г. в начале статьи читаем: «В то же лѣто рекоша дружина Игореві: «отрочи Свѣнлжи изодѣлися суть оружиемъ и порты, а мы назі» (НПЛ, 109–110). Совершенно очевидно, что первоначально фраза имела вид: «И рѣша дружина Игореві: се дал еси единому мужу много: отрочи Свенелжи изоделися суть оружием и порты, а мы назі»⁴.

Подобные разорванные вставкой хронологической сетки контексты не выходят за пределы первой четверти XI в. (см.: Алешковский 1976, 147). Их совокупность показывает, что в основе древнейшей части ПВЛ и Начального свода лежал не разделенный на годы связный рассказ о начале Русской земли и первых русских князьях. Разделение этого повествования на годовые статьи — явление, симметричное тому, которое мы только что наблюдали, говоря о постепенном превращении погодных записей из формы регистрации событий в форму повествования о них. Оба процесса связаны между собой как встречные тенденции, определяющие логику становления Начальной летописи. У ее истоков мы находим, с одной стороны, анналы, не являющиеся нарративом, а с другой — нарратив, не являющийся анналами. Со временем эти начала сближаются: анналы превращаются в нарратив, а нарратив принимает анналистическую форму⁵.

Как и анналистическая составляющая ПВЛ, ее «монотематическое» начало имеет свою историю. М. Х. Алешковский прослеживает признаки данного типа повествования до 1066 г., относя появление первого связного очерка истории Русской земли ко времени киевского княжения Изяслава Ярославича. Однако в том виде, в каком этот текст попал в руки составителя Начального свода 1091 г., разделившего его на годы, он уже содержал разновременные напластования. Свидетельства этого содержатся в древнейшей части летописи, где искусственно вставленная хронологическая сеть иногда разбива-

ет фрагменты текста, сами по себе имеющие вторичный характер⁶. «Монотематическая» основа Начальной летописи вполне могла, следовательно, возникнуть в более раннюю эпоху и какое-то время развиваться, сохраняя свою типологию, как цельный рассказ, не разделенный на годы.

Что же в таком случае представляло собой первоначальное ядро этого повествования? На этот счет существуют прямо противоположные точки зрения. Согласно гипотезе Д. С. Лихачева (1947, 1950), это было составленное при Ярославе Мудром «Сказание о распространении христианства на Руси», написанное в традициях византийского патерика. Эта точка зрения давно уже не встречает поддержки и, видимо, должна быть оставлена (см. последний критический разбор: Баловнев 2001). Агиографические пассажи, которые Д. С. Лихачев относил к древнейшему «Сказанию», при ближайшем рассмотрении обнаруживают признаки вторичности и никак не могли составить композиционного костяка ПВЛ⁷.

Намного более перспективной представляется позиция М. Н. Тихомирова (1979, 46–66), восстанавливавшего в качестве первоосновы ПВЛ написанное в Киеве в конце X в., вскоре после крещения Руси, «Сказание о русских князьях». Накопившиеся к настоящему времени прямые и косвенные данные о русской письменности эпохи Владимира не противоречат столь ранней датировке начала русской историографии⁸. Однако, в отличие от М. Н. Тихомирова, видевшего в «Сказании» сугубо светское произведение, нам не кажется целесообразным противопоставлять в плане истории текста повествование о крещении Руси (в его первоначальном виде) рассказам о ее языческом прошлом, а также выводить за рамки «Сказания» рассказ о призвании варяжских князей. Данные внутренней критики текста в сочетании с лингвистическим анализом позволяют охарактеризовать первоначальное ядро будущей ПВЛ как основанное на дружинном предании повествование, проследивавшее историю Русской земли от основания Киева тремя братьями-полянами до крещения Владимира (см.: Гиппиус 2001).

Датировка этого произведения концом X в. дает возможность видеть в упомянутых выше кратких записях 6508–6515 гг. анналистическое продолжение «Сказания». Важно, однако, что сам этот текст, вполне однородный по своему характеру, нет оснований считать летописным сводом, существование которого в эпоху Владимира предполагали Л. В. Черепнин (1948) и Б. А. Рыбаков (1963). Ситуация конца X — начала XI в. («Сказание», продолженное элементарными анналами) как бы прообразует в примитивной форме ситуацию конца XI в., когда Начальный свод 1091 г. продолжается подробной погодной летописью.

С типологической точки зрения важно, что нарративное ядро Начальной летописи точно так же не вписывается в византийскую литературную модель, как и ее анналистическая форма. Написание истории одного, варварского, с византийской точки зрения, народа, с опорой не на письменные источники, а на устное предание, — по сути своей противоречит как духу византийской хронографии с ее имперским универсализмом, так и методам работы византийских историков и хронистов. Византийские авторы писали историю на основании письменных источников или собственных воспоминаний, но задача письменного оформления устного предания об отдаленном прошлом была им незнакома. Собственное прошлое византийца IX–X в. было обеспечено письменной историей на тысячелетнюю глубину. Что же до исторического предания соседей-варваров, то оно его совершенно не интересовало. Система форм и жанров византийской историографии отвечала потребностям тысячелетней христианской державы и совершенно не подходила для оформления в ее рамках собственной исторической традиции вчерашнего варварского государства, только что вступившего на путь христианского развития.

В этом отношении показательно практически полное отсутствие ранних болгарских исторических сочинений. Оно иногда объясняется последовательным уничтожением древних болгарских летописей завоевателями-византийцами. Однако более убедительной представляется точка зрения исследователей, считающих излишним предполагать существование таких летописей (Турилов 2000, 88). Причину их отсутствия следует видеть в особо тесных отношениях, связывавших Болгарию с Византией. По замечанию К. Манго, «Болгария, так и не выработавшая национальной историографии, осталась полностью в рамках византийской традиции» (Манго 1988/89, 372).

Киевская Русь вышла за эти рамки, благодаря чему мы и располагаем ПВЛ. Как мы уже видели, анналистический принцип роднит древнерусское летописание с западным. То же можно сказать и о повествовательном ядре Начальной летописи. Типологически оно сближается с такими памятниками раннесредневековой западноевропейской историографии, как «История франков» Григория Турского, «История готов, вандалов и свевов» Исидора Севильского, «Церковная история народа англов Бэды Достопочтенного», «История лангобардского народа» Павла Диякона или «История норманнов» Дудона Сент-Квентинского⁹. В средневековых славянских литературах сопоставимыми с ПВЛ памятниками являются польская Хроника Галла Анонима и чешская Хроника Козьмы Пражского (см. Кралик 1968). В последней, как и в ПВЛ, связанное изложение национальной истории сочетается с анналистической формой (см.: Ранчин 1999).

Итак, раннее киевское летописание, в обоих образующих его началах, не вписывается в византийскую культурную парадигму; при этом оно обнаруживает принципиальное сходство с западно- и центральноевропейской историографией. Ничего удивительного в этом нет. В целом ряде других социокультурных параметров Киевская Русь конца X–XI вв. точно так же сближается не с Византией, а с молодыми христианскими государствами средней Европы — Чехией, Венгрией, Польшей, скандинавскими странами. Насколько актуальны были эти западные связи для Руси конца X–XI вв., видно из слов ПВЛ о Владимире (под 996 г.): «и бѣ жива съ князи околними миромъ, с Болеславом Лядским и с Стефаном Угорским, и с Андрихом Чешским, и бѣ мир межю ими и любы» (ПВЛ, 56). Перспектива позднейшего конфессионального противостояния православной Руси и католического Запада заслоняет от нас эти контакты. Однако до разделения церквей в 1054 г. — а восходя к истокам древнерусской исторической традиции, мы неизбежно попадаем именно в эту эпоху — ситуация была совершенно иной, чем в последующие века, и несравненно более благоприятствовала общим культурным переживаниям и взаимному влиянию (см. из последних работ: Живов 2002, 83–93; Успенский 2002, 65–75).

Остается неясным, является ли общность анналистического принципа средневековой европейской и древнерусской исторических традиций следствием их типологического сходства или влияния одной на другую. Поскольку никаких прямых связей между западной анналистикой и начальным древнерусским летописанием не просматривается, положительных оснований говорить о таком влиянии нет. Необходимо учитывать, что анналистика вообще представляет собой наиболее примитивную форму фиксации истории и в принципе может возникать независимо в разных культурных ареалах. В то же время нельзя не заметить, что в средневековой Европе распространение анналистического жанра происходит путем его постепенного продвижения с запада на восток, с VII в., когда этот жанр (в виде дополнений к «Церковной истории народа англов» Бэды Достопочтенного или записей в пасхальных таблицах) зарождается в Англии и в ходе деятельности британских миссий переносится на континент, по конец X — середину XI в., когда первые анналы появляются в Чехии, Польше и Венгрии (см.: Грансен 1974; Мак-Кормик 1975; Ваттенбах 1948, 1953). Возникновение летописания на Руси было бы заманчиво трактовать как заключительный этап в этом поступательном движении жанра¹⁰. Языковой барьер и отсутствие переводов западных исторических сочинений на славянский язык в принципе не составляли непреодолимого препятствия для усвоения этой тради-

ции: для этого достаточно было и общего знакомства с самой практикой ведения погодных записей, которое в условиях интенсивных церковных и династических контактов Руси с Западом было вполне возможно.

Предполагать влияние каких-либо западных литературных образцов на сложение нарративного ядра ПВЛ нет никаких оснований; здесь, очевидно, мы имеем дело с чисто типологическим сходством. Западные аналогии, таким образом, не столько проливают свет на источники древнерусского летописания, сколько указывают перспективу, в которой можно лучше оценить его жанровую специфику. Пытаясь охарактеризовать ее через сравнение с византийскими хрониками, мы неизбежно принимаем за «древнерусское своеобразие» общие типологические признаки раннесредневековой историографии новых христианских государств Европы — анналистическую форму и сосредоточенность на истории своей земли и своего народа.

В чем же тогда подлинное своеобразие начального древнерусского летописания? Видимо, в том, что на Руси эти общие «невизантийские» принципы реализовались в литературной среде, в целом ориентированной на византийские образцы и модели.

На самой ранней стадии сложения текста главным (если не единственным) таким образом — причем не собственно византийским, но лишь достигшим Руси при византийском посредстве, в кирилло-мефодиевских переводах с греческого, — была, как можно думать, Библия. Не вдаваясь в обсуждение этой активно исследуемой в последнее время проблематики (см. работы И. Н. Данилевского, В. Я. Петрухина, С. Я. Сендеровича и др.), приведем лишь один пример, представляющий особенно показательным. Одним из признаков, объединяющих тексты, относимые нами к древнейшему ядру ПВЛ (см.: Гиппиус 2001, 179), является пара определений *мудръ и смыслень*. Ее находим, в частности, в рассказах об основании Киева: «и бяху *мужи мудры и смыслены*, нарицахуся поляне»; об Игоре: «и преведе к себе жену от Плескова именем Ольгу, и бе *мудра и смыслена*» (только в НПЛ, отражающей Начальный свод); об испытании вер Владимиром: «ты князь еси *мудръ и смыслень*»; «избраша *мужи мудры и смыслены*». Эта столь «эпически» звучащая формула восходит, как отметил И. Н. Данилевский (1997, 198), к тексту Второзакония (1: 6–15) и заимствована из Паремейника. За эпической монументальностью нарративной основы ПВЛ просматривается, таким образом, нечто большее, чем бесхитростная фиксация устного предания.

В дальнейшем ориентация на универсальный библейский образец дополняется обращением к более специальным моделям и источникам, уже собственно византийского происхождения. В этом смысле

история начального летописания может быть описана как история византинизации его первоначальной основы. Позиция А. А. Шахматова и в этом отношении представляется намного более убедительной, чем точка зрения его оппонента В. М. Истрина (1924, 248–249), считавшего, что в основе киевского летописания X в. с самого начала был греческий хронограф. Влияние византийской хронографии появляется лишь на определенном этапе становления Начальной летописи и с течением времени возрастает. Сопоставление ПВЛ с НПЛ демонстрирует, как текст Начального свода конца XI в. «обрастает» в Повести временных лет выдержками из Хроники Георгия Амартола (см.: Творогов 1974). Сам же Начальный свод использовал, как показал О. В. Творогов, только так называемый «Хронограф по великому изложению»: на его основе была дополнена и хронологически препарирована древнейшая часть «Сказания о русских князьях», определена дата «начала Русской земли» и выстроена (в «Предисловии») новая всемирно-историческая перспектива, вводящая Русь в череду мировых царств. Наконец, на еще более раннем этапе, вероятно, в 70-е гг. XI в., Начальная летопись также при посредстве византийской хронографии получает свое библейское введение, ведущее рассказ от раздела земли сыновьями Ноя¹¹.

Это осуществляемое *crescendo* воздействие византийской хронографии приводит в конечном счете к тому, что киевский летописец начала XII в., цитируя Хронику Амартола, называет ее «летописанием греческим», используя то же обозначение, что и для своего собственного труда, который он тоже называет «летописанием» (ср. ПВЛ, 11, 119).

Параллельно с влиянием греческой хронографии и также в несколько этапов в первоначальный текст вносится множество интерполяций житийного, учительного, полемического, богословского характера. Агиографическими вставками осложняются рассказы об Ольге и Владимире, в повествование о крещении Руси включается основанная на целом ряде переводных источников Речь Философа, описание первого нашествия половцев прерывается введением в него Слова о князях Божьих, восходящего к болгарскому Златострою, и т. д. Летопись, возникшая вне жанровых канонов византийской словесности, по мере своего разрастания, принимает на свои страницы все новые и новые тексты и фрагменты текстов, создаваемых по этим канонам. В итоге этого процесса, каким является Повесть временных лет, мы находим уже многоуровневую структуру такой сложности и разнообразия, какие, как кажется, действительно не свойственны ни византийской, ни западноевропейской средневековой историографии. И в этом отношении самобытность древнерусского летописания вне всяких сомнений.

Примечания

- ¹ Образчиками таких «живых летописей» (living chronicle) могут служить анналы ирландского монастыря Инисфаллен XI–XIV вв. (Мак Аирт 1951) или шотландская летопись монастыря Мельроз XII–XIII вв. (Андерсон 1936). Подобные памятники позволяют составить достаточно полное представление о порядке ведения анналов, кодикологическом оформлении летописного текста, способах его редактирования и т. д. «Живая летопись» представляет собой, как правило, рукопись сложного состава. К основному блоку кодекса могут быть приплетены или вставлены в него дополнительные тетради и листы, содержащие новый или отредактированный текст. Погодные записи в такой рукописи могут следовать одна за другой (как в Инисфалленских аналах), но могут быть также отделены друг от друга пустым пространством, специально оставленным в расчете на позднейшие дополнения. В летописи Мельроза имеются участки, на которых все пространство листа на протяжении нескольких страниц занято текстом, но в этом тексте выделяется несколько слоев — первоначальные записи и ряд дополнений.
- ² Известную непоследовательность в типологию М. Х. Алешковского вносит проведение параллели между двумя этими видами текстов и двумя типами летописных памятников: летописным сводом и погодной летописью (см. там же). Если погодная летопись действительно складывается из погодных записей, то считать коррелятом «монотематического» повествования летописный свод оснований нет. Создающее летописный свод начало находится вне предложенной исследователем дихотомии — это начало компилятивное. Предметом же компиляции могут становиться тексты обоих выделенных М. Х. Алешковским типов: как отдельные погодные записи и их ряды, так и более или менее крупные произведения «монотематического» характера. Применение типологии М. Х. Алешковского для классификации летописных памятников предполагает поэтому добавление к ней еще одного критерия. Летопись имеет смысл подразделять в зависимости от того, 1) в какой мере они представляют собой компиляции из первичных источников и 2) как соотносятся в рамках этих источников погодные записи и «монотематические» блоки.
- ³ Следует заметить, что в реконструкции М. Х. Алешковского продолженный записями свод 1091 г. есть не что иное, как первая редакция ПВЛ, созданная Нестором. Справедливые сомнения, вызываемые этой атрибуцией, по-видимому, повлияли на то, что и главное предложение М. Х. Алешковского — видеть в первоначальном тексте ПВЛ с 1091 по 1115 г. погодную летопись, а не единовременно созданный текст, — до последнего времени не было оценено по достоинству. С сохранением шахматовского противопоставления Начального свода и ПВЛ эта идея использована в новейшей работе А. Тимберлейка (2001), точка зрения которого на данную проблему представляется особенно близкой действительности. Согласно А. Тимберлейку, первый слой статей ПВЛ 1090–1110-х гг. (по статье 1112 г.) принадлежит Начальному своду и продолжившей его по-

годной Киево-Печерской летописи, создававшейся в княжение Святополка и потому в целом сочувственной ему; второй слой принадлежит собственно ПВЛ, созданной уже при Владимире Мономахе. Промономасовская тенденция этого слоя хорошо согласуется с главным датирующим признаком ПВЛ — счетом лет «до смерти Святополчи» в статье 852 г. Это позволяет датировать создание ПВЛ периодом между смертью Святополка в апреле 1113 г. и моментом переписки текста Сильвестром в 1116 г. В этих хронологических рамках находится и наиболее вероятный, на наш взгляд, повод к составлению нового летописного свода, указанный Л. В. Черепниным (1948), — второе перенесение мощей Бориса и Глеба в 1115 г. См. также прим. 10.

4 Специально об этом пассаже в связи с соотношением Начального свода и ПВЛ см.: Творогов 1976, 20; Гиппиус 2001, 155–159.

5 С взаимодействием этих тенденций связано появление в ПВЛ текстов еще одного типа, широко представленного в первую очередь в ее древнейшей части (до начала XI в.), но встречающегося и позже. Его можно обозначить как «псевдоанналы». Это в основном краткие записи, оформленные как погодные, но в действительности содержащие информацию, ретроспективно помещенную под соответствующим годом. В отличие от годовых статей, возникших в результате вторичного членения неанналистического нарратива, такие записи могут восходить к нелетописным источникам (например, Хронике Амартола) или же вообще представлять собой плод исторической реконструкции летописца. Примером может служить запись под 6391 (883) г.: «Поча Олегъ воевати деревляны, и примучивъ а, имаше на нихъ дань по чернѣ кунѣ» (ПВЛ, 14). «Псевдоанналы» могут содержать и вполне достоверную информацию, как, например, запись в Ипатьевской летописи под 1075 г. о рождении у Владимира Мономаха сына Мстислава, внесенная, по всей вероятности, в одну из редакций ПВЛ. Ср., с другой стороны, расположенные в ПВЛ с подозрительной регулярностью записи о рождении детей Ярослава Мудрого, которые Т. Л. Вилкул (2001) подозревает на этом основании в неаутентичности. Отличить достоверные записи такого типа от недостоверных, как и «псевдоанналы» от annalov настоящих, т. е. подлинных погодных записей, часто бывает затруднительно. Мы исходим из того, что от дохристианской эпохи подлинных древнерусских annalov до нас не дошло, и все оформленные таким образом тексты этого времени представляют собой псевдоанналы. Альтернативная точка зрения, допускающая существование погодного летописания в языческой Руси (см.: Рыбаков 1963; Ворт 1993), идет вразрез с типологической характеристикой жанра как принадлежности христианской книжной культуры средневековой Европы.

6 Так, дата 6496 (988) г., отделяющая «дательный самостоятельный» от главного предложения («И минувшю лѣту. Въ лѣто 6496. Иде Володимѣрь съ вои на Косунь, град гречьскыи»), внесена в текст, восходящий к «Корсунской легенде», фрагменты которой, как показал А. А. Шахматов (1908, 132–134), образуют вторичный слой в повествовании о крещении Руси.

7 К примеру, речь патриарха, обращенная к Ольге в рассказе о ее крещении, которую Д. С. Лихачев относил к «Сказанию», явно вставлена позже в рассказ о том, как киевская княгиня перехитрила греческого императора (см.: Кузьмин 1977, 334–341; Мюллер 2000, 178).

8 До последнего времени серьезные сомнения в возможности начала летописания на Руси в эту эпоху вызывало отсутствие прямых свидетельств существования русской книжности при Владимире. Однако сенсационная находка Новгородского кодекса на церах (см.: Зализняк и Янин 2001), датируемого самым началом XI в., в одночасье сделала ее реальностью, подтвердив достоверность ранних летописных известий о начале «книжного учения» на Руси. Особых оснований относиться с большим скепсисом к «Сказанию о русских князьях», чем к шахматовскому Древнейшему своду 1039 г., как кажется, нет. К тому же, как теперь ясно, событие, с которым Шахматов связывал создание Древнейшего свода — учреждение киевской митрополии, — в действительности имело место не в 1037 г., а практически сразу после крещения Руси. К этому же времени Я. Н. Щапов (1972, 126) относит появление уставных грамот о материальном обеспечении Десятинной церкви и русских епископий, лежащих в основе церковного устава Владимира. С другой стороны, совсем недавно А. В. Назаренко (2000, 435–450) привел ряд фактов, позволяющих отнести ко времени княжения Владимира и начало формирования литературной традиции о его крещении. На этом фоне создание ядра будущей ПВЛ еще в конце X в. совсем не кажется невероятным.

9 Сопоставление ПВЛ с памятниками этого типа см.: Алпатов 1973, 102–106; см. также: Рукавишников 2002; Попова 2002).

10 Краткую характеристику ПВЛ в перспективе развития западно- и центральноевропейской annalistiki см.: Ваттенбах 1948, 814–815.

11 Поскольку в НПЛ это введение отсутствует, А. А. Шахматов считал его появившимся только на этапе создания ПВЛ в 1110-х гг. Сейчас это положение (одно время разделявшееся и автором этих строк, см.: Гиппиус 1994) должно быть, по-видимому, оставлено. В том виде, в каком Введение читается в ПВЛ, оно явно содержит разновременные пласты. С другой стороны, следы усечения Введения имеются в НПЛ (см.: Петрухин 2000, 69–80), а рассказ о разделе земли находит яркие параллели в тексте, заведомо читавшемся в Начальном своде конца XI в. (Алешковский, 1971, 59). Как показал С. Франклин (1982), наиболее вероятный источник этого рассказа (в конечном счете восходящего к «Книге юбилеев») обнаруживается в Изборнике 1073 г. Поскольку этим годом в схеме Шахматова датируется «первый Киево-Печерский свод», исследователь предположил, что библейское введение впервые появилось именно в нем. Принимая тезис С. Франклина об актуальности данного сюжета в политическом контексте начала 1070-гг., мы несколько иначе представляем себе последовательность событий.

Версия, которую мы надеемся подробно обосновать в другом месте, опирается на идею Л. В. Черепнина (1948) о связи двух этапов сложения Начальной летописи с двумя перенесениями мощей св. Бориса и Глеба —

в 1072 и 1115 гг. Рассказ о сыновьях Ноя мог впервые появиться в своде 1072 г., в ситуации обостренного соперничества трех братьев Ярославичей. В своде 1091 г., взявшем за точку отсчета истории Руси начало царствования Михаила, часть текста, предшествовавшая этой начальной дате (6362), была устранена, а библейская перспектива уступила место имперской и эсхатологической. Обстоятельства второго перенесения мощей Бориса и Глеба в 1115 г., вновь актуализировали библейский сюжет, в связи с чем созданная в этом году ПВЛ, взяв за основу продолженный записями свод 1091 г., восстановила отброшенное в нем Введение на основе свода 1072 г., существенно расширив его.

Литература

- Алешковский 1971 — *Алешковский М. Х.* Повесть временных лет. М., 1971.
- Алешковский 1976 — *Алешковский М. Х.* К типологии текстов «Повести временных лет» // Источниковедение отечественной истории. М., 1976. Вып. 2.
- Алпатов 1973 — *Алпатов М. А.* Русская историческая мысль и Западная Европа. XII–XVII вв. М., 1973.
- Андерсон 1936 — *The Chronicle of Melrose* / Ed. A. O. Anderson & M. O. Anderson, London, 1936.
- Баловнев 2001 — *Баловнев Д. А.* Сказание «О первоначальном распространении христианства на Руси»: Опыт критического анализа // Церковь в истории России. М., 2001. Вып. 4. С. 5–46.
- Баттенбах 1948 — *Wattenbach W.* Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter. Deutsche Kaiserzeit / Hgg. R. Holtzmann. Bd. 1. 4. Heft. Tübingen, 1948.
- Баттенбах 1953 — *Wattenbach W.* Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter. Vorzeit und Karolinger / Hrsg. W. Levison und H. Löwe. Weimar, 1953.
- Вилкул 2001 — *Вилкул Т. Л.* Старшие и младшие: летописное моделирование // Восточная Европа в древности и средневековье: Генеалогия как форма исторической памяти: XIII чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто (Москва, 11–13 апреля 2001 г.): Мат.-лы конф. М., 2001. С. 42–47.
- Ворт 1995 — *Worth D.* ([Church] Slavonic) Writing in Kievan Rus' // Christianity and the Eastern Slavs. Vol. 1. Slavic Cultures in the Middle Ages. Ed. B. Gasparov and O. Raevsky-Hughes. Berkeley. LA. Oxford, 1993 (Californian Slavic Studies. XVI). P. 141–153.
- Гимон 2000 — *Гимон Т. В.* Периодичность пополнения летописи: англосаксонское и древнерусское летописание // Восточная Европа в древности и средневековье: Историческая память и формы ее воплощения: XII чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто (Москва, 18–20 апреля 2000 г.): Мат.-лы конф. М., 2000. С. 76–82.
- Гиппиус 1994 — *Гиппиус А. А.* Ярославичи и сыновья Ноя в Повести временных лет // Балканские чтения-3. Лингво-этнокультурная исто-

- рия Балкан и Восточной Европы. Тезисы и материалы симпозиума. М., 1994. С. 136–141.
- Гиппиус 1997 — *Гиппиус А. А.* Древнерусские летописи в зеркале западноевропейской анналистики // Славяне и немцы: Средние века — раннее Новое время: Сб. тезисов 16 конф. памяти В. Д. Королюка. М., 1997. С. 24–27.
- Гиппиус 1999 — *Гиппиус А. А.* К характеристике новгородского владычного летописания XII–XIV вв. // Великий Новгород в истории средневековой Европы: К 70-летию В. Л. Янина. М., 1999. С. 362.
- Гиппиус 2001 — *Гиппиус А. А.* Рекоша дружина Игоревн: К лингвотекстологической стратификации Начальной летописи // Russian Linguistics. Vol. 25. № 2. P. 147–181.
- Грансен 1974 — *Gransden A.* Historical Writing in England c. 550 to c. 1307. London, 1974.
- Данилевский 1997 — *Данилевский И. Н.* Эсхатологические мотивы в Повести временных лет // У источника. Сборник статей в честь чл.-корр. РАН С. М. Каштанова. М., 1997. Ч. 1. С. 172–220.
- Еремин 1968 — *Еремин И. П.* Лекции по древней русской литературе. Л., 1968.
- Живов 2002 — *Живов В. М.* Разыскания в области истории и предистории русской культуры. М., 2002.
- Зализняк и Янин 2001 — *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Новгородский кодекс первой четверти XI в. — древнейшая книга Руси // Вопросы языкознания. 2001. № 5. С. 3–25.
- Истрин 1924 — *Истрин В. М.* Замечания о начале русского летописания: по поводу исследований А. А. Шахматова в области древнерусской летописи // Известия ОРЯС за 1924 г. Т. 24.
- Каштанов 1996 — *Каштанов С. М.* Источниковедческие основы компаративного метода в истории // Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании: Тез. докл. и сообщ. науч. конф. (Москва, 29–31 января 1996 г.). М., 1996. С. 30–35.
- Кларк 1995 — *Clark C.* The Narrative mode of *The Anglo-Saxon Chronicle* before the Conquest // Words, Names and History: Selected Writings of Cecily Clark. Ed. R. Jackson. Cambridge, 1995. P. 1–19.
- Котляр 1997 — *Котляр Н. Ф.* Галицко-Волынская летопись (источники, структура, жанровые и идейные особенности) // Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования. 1995 год. М., 1997. С. 80–165.
- Кралик 1968 — *Kralik O.* Počátky kronikářství u Slovanů // Československé přednášky pro VI. mezinárodní sjezd slavistů. Praha, 1968. S. 233–243.
- Кузьмин 1977 — *Кузьмин А. Г.* Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977.
- Лихачев 1947 — *Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М., 1947.
- Лурье 1985 — *Лурье Я. С.* Генеалогическая схема летописей XI–XVI вв., включенных в «Словарь книжников и книжности» Древней Руси // ТОДРЛ. Т. 40. С. 190–205.

- Мак Аирт 1951 — *The Annals of Inisfallen*. Edited with translation and indexes by Sean Mac Airt. Dublin, 1951.
- Мак-Кормик 1975 — *McCormick M.* Les annales du Haut Moyen Age. Brepols Turnhout, 1975: (Typologie des sources du Moyen Age occidental / Directeur L. Genicot).
- Манго 1988/1989 — *Mango C.* The Tradition of Byzantine Chronography // Harvard Ukrainian Studies. 1988/1989. 12/13: Proceedings of the International Congress Commemorating the Millennium of Christianity in Rus'-Ukraine / Ed. by O. Pritsak and I. Shevchenko. P. 360–372.
- Мюллер 2000 — *Мюллер Л.* Рассказ «Повести временных лет» о крещении Ольги // *Мюллер Л.* Понять Россию: историко-культурные исследования. М., 2000.
- Назаренко 2001 — *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М., 2001.
- НПЛ 1950 — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950.
- ПВЛ 1996 — Повесть временных лет / Подгот. текста, перев., статьи и коммент. Д. С. Лихачева, под ред. В. П. Адриановой-Перетц. 2-е изд., исправл. и дополн., подгот. М. Б. Свердлов. СПб., 1996.
- Петрухин 2000 — *Петрухин В. Я.* Древняя Русь: Народ. Князья. Религия // Из истории русской культуры. Т. 1 (Древняя Русь). М., 2000.
- Попова 2002 — *Попова А. М.* «История готов, вандалов и севов» Исидора Севильского как памятник раннесредневековый текст: Проблемы интерпретации. Иваново, 2002. С. 88–103.
- Ранчин 1999 — *Ранчин А. М.* Оппозиция «природа — культура» в Повести временных лет // *Ранчин А. М.* Статьи о древнерусской литературе. М., 1999. С. 105–116.
- Рукавишников 2002 — *Рукавишников А. В.* Проблема «непризнания родства» в раннесредневековых хрониках и Повесть временных лет // Восточная Европа в древности и средневековье: Мнимые реальности в античной и средневековой историографии: XIV чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пащуто (Москва, 17–19 апреля 2002 г.): Мат.-лы конф. М., 2002. С. 198–203.
- Рыбаков 1963 — *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь. Сказания. Былины. Легенды. М., 1963.
- Сухоминов 1908 — *Сухоминов М. И.* О древней русской летописи как памятнике литературном // Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук. СПб., 1908. Т. 85. №1.
- Творогов 1974 — *Творогов О. В.* Повесть временных лет и Хронограф по великому изложению // ТОДРЛ. Т. 24. С. 99–113.
- Творогов 1976 — *Творогов О. В.* Повесть временных лет и начальный свод (текстологический комментарий) // ТОДРЛ. Т. 30. С. 3–26.
- Творогов 1996 — *Творогов О. В.* Древнерусская литература // Очерки истории культуры славян. М., 1996. С. 363–377.

- Тимберлейк 2001 — *Timberlake A.* Redactions of the Primary Chronicle // Русский язык в научном освещении. 2000. № 1. С. 219–238.
- Тихомиров 1979 — *Тихомиров М. Н.* Русское летописание. М., 1979.
- Турилов 2000 — *Турилов А. А.* После Климента и Наума (славянская письменность на территории Охридской архиепископии в X — первой половине XIII в.) // *Флоря Б. Н., Турилов А. А., Иванов С. А.* Судьбы кирилло-мефодиевской традиции после Кирилла и Мефодия. М., 2000. С. 76–162.
- Успенский 2000 — *Успенский Б. А.* История русского литературного языка XI–XVII вв. М., 2002.
- Франклин 1982 — *Franklin S.* Some Apocryphal Sources of Kievan Russian Russian Historiography // Oxford Slavonic Papers. N. S. 15 (1982). P. 1–25.
- Черепнин 1948 — *Черепнин Л. В.* «Повесть временных лет», ее редакции и предшествовавшие ей летописные своды // Исторические записки. М., 1948. Вып. 25. С. 293–333.
- Шахматов 1908 — *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.
- Щапов 1972 — *Щапов Я. Н.* Княжеские уставы и церковь в Древней Руси. М., 1972.